

МУЗЫКАЛЬНАЯ МАШИНА

Московские гастроли Кёльнского оркестра Радио WDR прошли без аншлага

Независимая газета - 2000 - 13 мая - с. 7

Арсений Волков

ОРКЕСТР — один из самых сложных механизмов на свете. Если его правильно завести, он может какое-то время работать сам, без починки или техосмотра. Именитый дирижер родом из Петербурга Семен Бычков, десять лет служивший шефом в знаменитом городском оркестре Парижа (Orchestre de Paris), а в 1997 году выбранный кёльнскими музыкантами в качестве художественного руководителя, теперь занят «раскруткой» этого солидного и высокооплачиваемого коллектива под такой маркой: «оркестр-машина», «оркестр-локомотив», даже «оркестр-зверь». Московская публика пришла проверить и немного недоверчиво «пробовать на зуб» его звучание. Полуустрой зал трудно согласовался с очень аппетитной программой: массивная первая симфония Иоханнеса Брамса, двойной фортепианный концерт французского «записного остряка» XX века Франсиса Пуленка, таинственно-мрачный альтерный концерт Софии Губайдулиной с солистом Юрием Башметом и уникальный композиторский «автопортрет» Рихарда Штрауса — симфоническая поэма «Жизнь героя» с цитатами из самого себя — классика и мощный, вязкий, оркестровым письмом...

Вероятно, за право послушать этот шикарный колесный экипаж в действии с публики договоравто запросили. Но даже перед самым началом концерта непроданных входных билетов могло хватить всем, кто хотел восхититься новым образцом немецкого качества и проверенной надежности. «Он совсем не дает оркестру дышать!», «...музыка на слишком коротком поводке!», «музыкантам приходится висеть на руке в напряженном ожидании указаний — или просто следующей доли!» — это из скептических реплик знатоков в антракте. И правда, крепкий, очень тяжелый звук на удивление неохотно слушался дирижерской руки — привычная

дисциплина была налицо, особенно в четких и громких инструментальных репликах, зато отлаженный баланс между струнными и медью то и дело «перекашивался» и смешался.

Красивый, широкий, но негибкий дирижерский жест Семена Бычкова далеко не всегда получал адекватную звуковую отдачу. Маэстро отслеживал готовность оркестрантов сделать то, что требуется, но в момент, когда нужный звук извлекается, он уже так поглощен следующим широким жестом, что микроскопические (или даже очень крупные) опоздания, промашки или «торчашие» ноты отдельных инструментов проходят незамеченными, как будто потом все равно можно будет легко все это «смонтировать» и получить идеально качественную запись произведения, составленную из нескольких дублей... Ровность и прозрачность звука трудолюбивых кёльнских исполнителей обеспечивалась их тренированностью и выносливостью. Еще одно неожиданное сходство с «музыкальной машиной» — вертикальный взлет, который иногда приписывают политикам как свидетельство их стремительности и решительности. Тут эта тактико-техническая характеристика, действительно свойственная в большей степени дирижеру, нежели его оркестру, обернулась для «выставочной» немецкой классики скорее во вред, чем на пользу. Звуковые расстояния между любыми крайностями в партитуре музыканты совместными усилиями преодолевали почти мгновенно, а это значит, что в зале были слышны в основном не перепады звучности, а большие плоские поверхности. Еще из скептических реплик знатоков: «будто кто-то просто поворачивает ручку громкости на радиоприемнике», «статичное мышление, никакого смысла в динамике и подвижности...»

Оркестр Кёльнского радио (Westdeutscher Rundfunk) имеет в Германии репутацию коллектива класса «А», а также давние и устойчивые навыки игры в студии,

для микрофонов, а в последнее время и камер — маэстро Бычков начал приучать музыкантов к эмоциональности, которая была бы заметна всем. Цель, к которой стремится дирижер (и которая вообще стала почти обязательным лозунгом классических музыкантов рубежа веков, вернее, тех из них, кто ориентирован на повышение слушательского спроса) — стала ясна после появления сестер Кати и Мариэль Лабек за двумя рядами в концерте Пуленка. Коротко это формулируется так: «Покажите, как вы любите музыку — и не только игрой, а глазами, головой, ногами, руками (если они вдруг не заняты), — всем своим видом музыканты должны являть деятельную любовь к тому, чем они развлекают публику; в противном случае вашего творческого горения никто не заметит». На издаваемые звуки эта пантомима никак не влияет, но зрительное впечатление меняет разительно. Сестры получили сполна аплодисменты, а публика — пару шарманочных заводных игрушек «на бис». И это суровая реальность.

В случае с Семеном Бычковым демонстративная любовь к музыке ограничилась весьма удачно сыгранной ролью «доброго следователя», который, правда, не всегда внимательно слушает ответы последственного, но очень обаятельно задает ему все необходимые вопросы для протокола. После нескольких подряд «злых следователей», которые успели постоять за пультом и во главе Кёльнского радиооркестра за последние 50 лет и научить музыкантов дотошности и тщательности игры (кстати, это были не просто сухие педанты, а еще и признанные маэстро Гюнтер Ванд, Гэри Бертини, Ханс Фонк), — контраст очень выгрыбный, и сейчас он явно в пользу нового шефа. Но работа на одном видимом контрасте еще не гарантирует полного порядка и сто процентного качества. Машина-зверь, похоже, уже нуждается в мелком ремонте. Или — по меньшей мере — в идеях о том, как ее лучше чинить. ■